

УДК 811

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-110-140

Каузативные оппозиции в христианском урмийском новоарамейском

Елена Е. Шведова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия;

Институт лингвистических исследований РАН,

Санкт-Петербург, Россия, shvedovalena98@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формального устройства каузативных оппозиций в христианском урмийском новоарамейском языке. На материале полевых данных, собранных в ходе экспедиции в село Урмия Краснодарского края, изучаются способы кодирования отношений в выборке из 31 каузативно-некаузативной глагольной пары, предложенной М. Хаспельматом. Показано, что для урмийского релевантна «шкала самопроизвольности» М. Хаспельмата: ситуации, с наибольшей вероятностью возникающие самопроизвольно, типа ‘кипеть’ или ‘сохнуть’, обозначаются в урмийском неизменяемыми глаголами, а их каузативные корреляты (‘кипятить’, ‘сушить’) морфологически маркированы. Для обозначения ситуаций, возникновение которых обычно происходит под воздействием внешней силы, таких как ‘ломаться’ или ‘раскалываться’, в урмийском используются лабильные глаголы. Последние занимают нишу понижающей актантажной деривации, что подтверждается сравнением урмийского с классическим сирийским, где сохранялся декаузативный показатель. Делаются предварительные выводы о стабильности каузативного маркирования в арамейских языках и неоднородности класса урмийских лабильных глаголов. В целом рост числа лабильных глаголов является инновативной новоарамейской чертой, однако можно выделить небольшую группу значений, которые стабильно передаются лабильными глаголами на протяжении нескольких веков.

Ключевые слова: новоарамейские языки, христианский урмийский, каузатив, декаузатив, лабильные глаголы

Для цитирования: Шведова Е.Е. Каузативные оппозиции в христианском урмийском новоарамейском // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 110–140. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-110-140

© Шведова Е.Е., 2024

Causative verb alternation in Christian Urmi Neo-Aramaic

Elena E. Shvedova

HSE University, Moscow, Russia;

Institute for Linguistic Studies, RAS, Saint-Petersburg, Russia,

shvedovalena98@gmail.com

Abstract. The article is devoted to causative verb alternation in Christian Urmi Neo-Aramaic. I have analyzed the formal types of 31 causal/noncausal verb pairs developed by M. Haspelmath (1993). Field data were collected during the fieldtrip to the village of Urmiya, Krasnodar Krai, Russia. I show that Haspelmath's ordering of verb meanings according to the likelihood of spontaneous occurrence is valid for Urmi Neo-Aramaic. Events that are most likely to arise spontaneously, such as 'boil' or 'dry', are encoded by non-derived verbs in Christian Urmi, and their causative counterparts ('boil', 'dry') are morphologically marked. Labile verbs are used in Christian Urmi to denote situations that usually require an external agent, such as 'break' or 'split'. The latter have replaced the anticausative encoding, which was preserved in Classical Syriac. Both Urmi Neo-Aramaic and Classical Syriac show predominance of the causative type of marking, so this type is diachronically stable. Urmi labile verbs can be divided into two groups: some were already labile in Syriac while the lability of others is an innovative Neo-Aramaic feature.

Keywords: Neo-Aramaic languages, Christian Urmi, causative, anticausative, labile verbs

For citation: Shvedova, E.E. (2024), "Causative verb alternation in Christian Urmi Neo-Aramaic", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 110–140, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-5-110-140

1. Введение

Настоящее исследование посвящено типологически-диахроническому рассмотрению каузативно-некаузативных глагольных пар в христианском урмийском, относящемся к ветви северо-восточных новоарамейских языков семитской семьи афразийской макросемьи. Глаголы, образующие такие пары, выделяются на семантических основаниях: каузативный член пары включает в себя «некаузативное значение и – дополнительно – значение каузативности» [Недялков 1969, с. 106], т. е. исследуются глаголы наподобие 'кипеть'/'кипятить', 'открываться'/'открывать' (подробно предмет исследования описывается в разделе 2). В христианском

урмийском языке, на материале которого проводилось исследование, существует несколько способов формальной организации каузативной оппозиции – их описанию посвящены разделы 3 и 4.

В основном изучался урмийский новоарамейский, на котором говорят в селе Урмия Краснодарского края. Это единственное место компактного проживания в России носителей христианского урмийского новоарамейского, где они составляют большинство населения. Носители, идентифицирующие себя как ассирийцы, попали в Россию в результате нескольких волн миграций из Ирана и Турции, происходивших начиная с XIX века. Многие ассирийцы переехали в Урмию после долгого пребывания в Армении, Грузии или Азербайджане. Подробнее о сборе данных и методологии см. раздел 4.2.

В грамматике христианского урмийского [Khan 2016a, pp. 397–436]¹ выделяется несколько семантических параметров, которые могут определять выбор словообразовательного средства каузативации в этом языке (например, акциональный класс глагола, степень контроля и вовлеченности участников ситуации и др.). Мое исследование призвано уточнить и дополнить существующее описание за счет использования новых полевых данных и анализа словаря [Khan 2016b]. В разделе 6.2 представлены результаты диахронического сравнения с классическим сирийским.

Особо обсуждается корреляция способа маркирования каузативной оппозиции в урмийском с положением ситуации на шкале самопроизвольности из статьи [Haspelmith 1993]. С помощью метода элицитации у пяти носителей была собрана грамматическая анкета, разработанная на основе выборки из 31 пары глаголов, предложенной в [Haspelmith 1993]. Полевые данные собирались в августе 2021 г. в ходе экспедиции в село Урмия (Краснодарский край). Далее во всех примерах используются собственные полевые данные, если не указано иное.

2. Предмет исследования

Термин каузативно-некаузативная пара² используется для обозначения глаголов, находящихся в таком семантическом соотношении друг с другом, как в примере (1).

¹ В этой грамматике описываются варианты христианского урмийского, на которых говорят в Иране, Грузии и Армении.

² Часто в литературе используется термин «каузативно-инхоативные пары» (*causative/inchoative verb alternations*), например в [Borer 1991; Haspelmith 1993; Piñón 2001; Alexiadou, Anagnostopoulou 2004; Arkadiev 2013; Göransson 2015; и др.]. По рекомендации рецензента решено было

- (1) а. *Палка сломалась.*
б. *Мальчик сломал палку.*

Согласно [Haspelmath 1993], оба глагола в каузативно-некаузативной паре описывают одну и ту же базовую ситуацию – в исследуемой выборке глаголов это обычно вхождение в состояние ('кипеть', 'тонуть'), реже процесс ('катиться'). При этом некаузативный член пары выражает спонтанное возникновение ситуации, как в (1а), а каузативный коррелирует – ее возникновение под внешним воздействием, как в (1б). Некаузативные глаголы в данном случае – это обычно одноместные пациентивные предикаты (например, *Дверь открылась*). Аргументная структура каузативного члена пары включает помимо Пациенса, который совпадает с единственным участником некаузативного глагола, участника с ролью Агенса (*Мальчик открыл дверь*) или Эффектора (*Порыв ветра открыл дверь*).

Изучение каузативных оппозиций представляет интерес, так как существует богатый типологический инвентарь средств выражения этих значений. Варьирование может наблюдаться не только в различных языках в зависимости от доминирующего типа кодирования актантных дериваций (ср. [Nichols et al. 2004]), но и внутри системы одного языка.

При описании каузативно-некаузативных пар в христианском урмийском я буду пользоваться универсальной классификацией типов соотношения глаголов в таких парах, предложенной в работах [Недялков 1969; Haspelmath 1993]. Она строится на основании того, является ли один из членов пары формально производным от другого. К направленным оппозициям, в которых один член морфологически сложнее и произведен от другого, относится, во-первых, *каузатив* (далее **C**, ср. *causative*) – маркирование специальным показателем каузативного члена пары: например, урмийский + *rdəxlə* 'кипеть' > + *murdəxlə*³ 'кипятить', во-вторых, *декаузатив* (далее **A**,

отказаться от термина «инхоативный», отсылающего к определенным аспектуальным характеристикам некаузативного глагола. В других работах встречаются также наименования *causative alternation* [Levin 2015; и др.], *transitive/unaccusative alternation* [Levin, Rappaport Hovav 1995; Haspelmath 2016; и др.], *induced/plain verbs* [Nichols et al. 2004], *causal/noncausal verbs* [Haspelmath et al. 2014]. Полный обзор библиографии по теме представлен в [Tubino-Blanco 2020], в [Levin 2015] предлагается периодизация истории изучения каузативных альтернатив.

³ Здесь и далее все глаголы приводятся в форме PST.3M.SG, так как презентные основы глаголов I и II пород не различаются. Знак «+» указывает на особую просодическую характеристику слова – сингармонизм

anticausative) – маркирование некаузативного члена пары. Второй тип не встречается в урмийском новоарамейском, но засвидетельствован в других (в основном мертвых) арамейских языках, ср. сирийский *ʔeptaḥ* ‘открываться’ < *ptaḥ* ‘открывать’. В ненаправленных оппозициях члены пары могут представлять собой *лабильные глаголы* (далее **L**, labile), которые способны выступать и как переходные, и как непереходные без изменения морфологической формы: урм. *ptaḥlā* ‘открываться’/‘открывать’. Кроме того, встречаются *эквиполентные оппозиции* (далее **E**, equipollent), в которых каждый из глаголов маркирован: урм. *xuballā/muxballā* ‘замораживаться’/‘замораживать’. Также пару могут образовывать *супплетивные глаголы* с разными корнями (далее **S**, suppletive): урм. *matlā/+kṭallā* ‘умирать’/‘убивать’. Прежде чем перейти к описанию устройства каузативно-некаузативных пар в урмийском, рассмотрим подробнее особенности глагольного словообразования в этом языке.

3. Актантная деривация в христианском урмийском

3.1. Система «пород». В христианском урмийском за маркирование актантных дериваций отвечают специальные словообразовательные модели – «породы» в традиционной русскоязычной семитологической терминологии, среди прочих [Коган 2009, с. 86; Лявданский 2009, с. 679], *verbal patterns* в [Khan 2016a, pp. 397–457].

С одной стороны, выделяемые в урмийском три породы (I, II и III)⁴ можно анализировать просто как *словоизменительные классы*. Подобно словоизменительным классам, породы обуславливают алломорфическое варьирование при образовании видо-временных глагольных форм. Например, модели для образования претерита: у глаголов I породы **CCiC-**, у II породы – **CuCəC-**, у III породы – **muCCəC**, где **C** – согласные корни. Принадлежность к той или иной породе является индивидуальной характеристикой глагольной лексемы и задается в словаре, а семантика глагола не позволяет надежно предсказать его породу: ср. + *ṭablā* I ‘спрашивать’ vs. *bukarrā* II ‘спрашивать, узнавать’ [Khan 2016b].

С другой стороны, все же существуют гнезда глаголов, относительно регулярно связанных друг с другом по смыслу, но относя-

по напряженности. Полужирным выделены интересующие нас показатели актантной деривации.

⁴ Для четырехконсонантных корней существуют еще две модели – QI и QII по [Khan 2016a], но их мы подробно не рассматриваем.

щихся к разным породам. По крайней мере для части глагольных лексем изменение породы является морфологическим средством *каузативации*: тогда глагол I породы, как правило, выступает как исходный, а формы во II и III породе представляют собой морфологические каузативы. При этом различия в семантике каузативов II и III пород изучены недостаточно, у некоторых глаголов корреляты синонимичны:

- (2) *məṣḥa* *pšər-rə*
масло(M) таять.I.PST-LS.3M
'Масло растопилось'⁵.
- (3) *šəmša* *pušər-ra* / ^{OK}*mupšər-ra* *məṣḥa*
солнце(F) таять.II.PST-LS.3F таять.III.PST-LS.3F масло(M)
'Солнце растопило масло'.
- (4) *brata* *mupšər-ra* / ^{OK}*pušər-ra* *məṣḥa*
девушка(F) таять.III.PST-LS.3F таять.II.PST-LS.3F масло(M)
'Девушка растопила масло'.

В словаре [Khan 2016b] я нашла лишь 19 таких глагольных корней (среди 918 рассмотренных⁶), которые могут использоваться во всех трех породах. При этом для абсолютного большинства этих глаголов носители, с которыми мы работали в селе Урмия, не подтвердили существования форм во всех породах. Однако и в неполных гнездах только из двух коррелятов прослеживаются систематические связи между значениями глаголов: для урмийских глаголов I породы изменение породы на III – самый распространенный способ каузативации.

Для более полного представления об устройстве глагольной системы приведем данные, полученные в результате анализа словаря [Khan 2016b]. Из табл. 1 можно увидеть, что глаголов I породы в языке в два раза больше, чем III, а II порода является наименее продуктивной из всех. Кроме того, породы сильно различаются по переходности: около половины глаголов I породы непереходны, а большинство глаголов, относящихся ко II и III породам, наоборот, переходны.

⁵ Сокращения: 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, I – первая порода, II – вторая порода, III – третья порода, DEF – определенный артикль, F – женский род, G – G-порода, Gt – Gt-порода, IMPF – имперфект, LS – суффиксы L-серии, M – мужской род, NEG – отрицательная частица, PL – множественное число, POSS – посессивный показатель, PST – прошедшее время, SG – единственное число.

⁶ Были рассмотрены все глаголы I, II и III пород, зафиксированные в словаре, но не учитывались четырехконсонантные и составные глаголы.

Таблица 1

Распределение урмийских глаголов по породам
(по словарю)

Порода	Непереходные глаголы	Лабильные глаголы	Переходные глаголы	Всего	
I	284	57	192	533	58%
II	21	6	82	109	12%
III	14	15	247	276	30%
Всего	319	78	521	918	

Информация о глагольных гнездах представлена в табл. 2 – она не исчерпывающая, так как не отражает случаи, когда у лабильных глаголов есть корреляты в других породах, но позволяет получить общее представление о соотношении глаголов разных пород. Наличие коррелята в той же породе, что и исходный глагол (например, коррелят «только I» у глагола I породы), означает, что глагол лабильный.

Таблица 2

Наличие коррелятов у глаголов разных пород

Порода исходного глагола	Корреляты			
	нет	только I	только II	только III
I	251	24	31	179
II	44	31	3	4
III	44	179	4	8

Примерно *треть глагольных корней имеет основы только в одной из пород* (большинство в I), на втором месте по распространенности сочетание *I/III породе*, остальные случаи относительно редки.

3.2. Морфологический и лексический каузатив. Вслед за грамматикой [Khan 2016a] корреляты во II и III породе рассматриваются как *морфологические каузативы*, но стоит отметить, что это решение небесспорно. Проблема заключается в том, что использование II породы как средства каузативации не является регулярным

и продуктивным. В словаре нашлось лишь 20 таких пар⁷, в которых глаголы образуют каузативные оппозиции, как в примере (5).

(5) глагол в I породе	коррелят во II породе
<i>bšəllə</i> 'вариться'	<i>bušəllə</i> 'варить'
<i>dxilə</i> 'очищаться'	<i>duxilə</i> 'очищать'
<i>trəxlə</i> 'проливаться'	<i>turəxlə</i> 'проливать'

III порода является более продуктивным морфологическим средством каузативации: большинство глаголов III породы переходны и имеют каузативную семантику, как в примере (6).

(6) глагол в I породе	коррелят в III породе
+ <i>rdəxlə</i> 'кипеть'	+ <i>murəxlə</i> 'кипятить'
<i>ctəvlə</i> 'писать'	<i>muctəvlə</i> 'заставлять писать'
+ <i>trəslə</i> 'толстеть'	+ <i>mutrəslə</i> 'заставлять толстеть (раскармливать)'

Далее рассмотрим, как описанные словообразовательные средства используются в урмийском для кодирования отношений в каузативно-некаузативных парах.

4. Каузативно-некаузативные пары в урмийском

4.1. Типы кодирования каузативной оппозиции. В грамматике [Khan 2016a, p. 397] все непереходные глаголы в основном на семантических основаниях делятся на «неаккузативные» (“intransitive unaccusative”) и «неэргативные» (“intransitive unergative”)⁸. Со-

⁷ Глаголов, у которых есть корреляты в I и во II породах, больше, чем 20, но во многих случаях значение лексикализовано, и глаголы не образуют каузативную пару: например, *bnilə* I 'строить' vs. *bunilə* II 'готовить (еду)'.
⁸ Ср. [Khan 2016a, p. 397] про «неаккузативные глаголы»: “The subject is presented as the affectee of the event expressed by the verb and does not actively initiate it. The affectee subject undergoes a change of state and is equivalent semantically to the object (accusative) of a transitive verb”. Дж. Кхан также предлагает один синтаксический тест для выделения этого глагольного класса: результатив от таких глаголов может использоваться в атрибутивной позиции вместо прилагательного, но этот тест не работает для глаголов движения, которые автор все равно относит к «неаккузативным» [Khan 2016a, p. 399].

гласно [Khan 2016a, p. 429], только от «непереходных неаккузативных» глаголов могут образовываться каузативы II, и III породы. Кроме того, только «неаккузативные» предикаты встречаются в непереходных употреблениях лабильных глаголов, см. табл. 3. Соответственно, в дальнейшем нас будут интересовать в основном «неаккузативные» глаголы, так как при выборе средства образования каузативов от этих глаголов возможно варьирование.

Таблица 3

Зависимость формы каузативного глагола
от характеристики некаузативного члена пары
по [Khan 2016a]

Выражение каузативного значения	Некаузативный член пары		
	«неаккузативный»	«неэргативный»	переходный
Лабильный глагол	+	–	–
II порода	+	–	–
III порода	+	+	+

Для определения типов кодирования каузативных оппозиций требуется установить, является ли один глагол производным от другого и какая форма более маркирована. I порода принимается мной за немаркированную, во-первых, на формальных основаниях – для образования форм в этой породе не используется дополнительных словообразовательных средств. Во-вторых, на семантических основаниях – большинство глаголов языка относятся именно к этой породе, при этом нет каких-либо регулярных ограничений на их классы. Глаголы III породы рассматриваются как маркированные на формальных основаниях (появляется префикс *m-*). Наиболее сложный случай – глаголы II породы; они также рассматриваются как маркированные, хотя основания для этого скорее семантические, что обсуждалось в разделе 3.2. Дополнительный аргумент в пользу этого решения состоит в том, что диахронически глаголы II породы восходят к формально маркированным глаголам с удвоением второго корневого согласного [Лявданский 2009, с. 679].

Таким образом, в урмийском новоарамейском отношении в каузативных парах могут оформляться пятью способами: от немаркированного некаузативного члена образуется маркированный каузатив II или III породы (далее С-II и С-III соответственно); используется лабильный глагол в любой породе (L); в пару объеди-

няются два неоднокоренных глагола (S); оба глагола маркированы (E). Для наглядности эта же информация представлена в табл. 4.

Таблица 4

Типы кодирования каузативной оппозиции в урмийском

Тип кодирования оппозиции	Порода некауз.	Порода кауз.	Примеры	
КАУЗАТИВ	С-II	I	II	+ <i>ḡmilə</i> /+ <i>ḡummilə</i> 'собираться'/'собирать'
	С-III	I	III	+ <i>rdəxlə</i> /+ <i>murdəxlə</i> 'кипеть'/'кипятить'
ЛАБИЛЬНОСТЬ	L	I / II / III	I / II / III	+ <i>šmətlə</i> 'ломаться' / 'ломать'
ЭКВИПОЛЕНТНОСТЬ	E	II	III	<i>xubəllə</i> / <i>muxbəllə</i> 'мерзнуть'/'морозить' ⁹
СУППЛЕТИВИЗМ	S	I / II / III	I / II / III	<i>mətlə</i> /+ <i>kʰəllə</i> 'умирать'/'убивать'

Ниже будет предпринята попытка выявить факторы, которые влияют на выбор одного из перечисленных способов организации каузативных оппозиций.

4.2. *Методология и сбор материала.* Для исследования была разработана анкета (приводится в Прил. 1) на основе 31 пары глаголов, предложенных в работе [Haspelmath 1993] и после активно изучавшихся в разных языках, например в рамках проекта (WATR). Ожидалось, что уже на этой выборке глаголов удастся заметить некоторые закономерности в распределении способов маркирования каузативных оппозиций.

Урмийские соответствия для данных глаголов были элицитированы у пяти носителей во время экспедиции в с. Урмия (Краснодарский край) в августе 2021 г. Результаты приводятся в табл. 5

⁹ Эквивалентность не распространена в урмийском: на весь словарь встретилась только одна такая глагольная пара, где маркированы оба члена (когда есть основы II и III пород, а корреляты в I породе нет). Кроме того, при дальнейшем исследовании глагольных значений из выборки М. Хаспельмата я использую другой перевод для значения 'freeze' – *mugdəllə* (III), см. табл. 7, так как именно он использовался всеми опрошенными носителями при переводе моей анкеты.

с указанием типа кодирования оппозиции. Супплетивна только одна пара из анкеты: [5] ‘умирать’/‘убивать’ *mətlə/+kʰəllə*, что типологически ожидаемо¹⁰. Для четырех пар соответствия получить не удалось. Из оставшихся пар в 16 маркируется каузативный член, а в 10 используется лабильный глагол. Как и ожидалось, для образования каузативов от глаголов I породы намного чаще используется III порода, чем II (11 случаев против 3).

Таблица 5

Соотношение основ
в каузативно-некаузативных парах в урмийском

Тип	Порода	Глаголы	
С-III	I/III	[1] ‘кипеть’/‘кипятить’ <i>+rdəxlə/+murdəxlə</i>	
		[3] ‘сохнуть’/‘сушить’ <i>brəzlə/mubrəzlə</i>	
		[4] ‘просыпаться’/‘будить’ <i>+rəšlə/+murrəšlə</i>	
		[6] ‘гаснуть’/‘гасить’ <i>cməllə/mucməllə</i>	
		[7] ‘тонуть’/‘топить’ <i>+tʰbilə/+muʰbilə</i>	
		[8] ‘учиться’/‘учить’ <i>ləplə/muləplə</i>	
		[10] ‘останавливаться’/‘останавливать (о телеге)’ <i>clələ/muclilə</i>	
		[11] ‘поворачиваться’/‘поворачивать’ <i>ptəllə/muptəllə</i>	
		[13] ‘гореть’/‘жечь’ <i>kədlə/mukədlə</i>	
		[22] ‘подниматься’/‘поднимать’ <i>+rəmlə/+murəmlə</i>	
[26] ‘меняться’/‘менять’ <i>xləplə/muxləplə</i>			
С-II	I/II	[16] ‘заканчиваться’/‘заканчивать’ <i>prəklə/purəklə</i>	
		[21] ‘теряться’/‘терять’ <i>tləklə/tuləklə</i>	
		[27] ‘собираться’/‘собирать’ <i>+ğmilə/+ğummilə</i>	
L	I/I	[14] ‘разрушаться’/‘разрушать’ <i>tləxlə</i>	
		[15] ‘наполняться’/‘наполнять’ <i>mlilə</i>	
		[19] ‘катиться’/‘катить’ <i>cundərrə</i>	
		[24] ‘качаться’/‘качать’ <i>+durvədlə</i>	
		[28] ‘открываться’/‘открывать’ <i>ptəxlə</i>	
		[29] ‘ломаться’/‘ломать’ <i>+šmətʰlə</i>	
		[30] ‘закрываться’/‘закрывать’ <i>dvərlə</i>	
		[31] ‘раскалываться’/‘раскалывать (о полене)’ <i>+çləplə</i>	
		II/II	[17] ‘начинаться’/‘начинать’ <i>+šurilə</i>
		III/III	[2] ‘замораживаться’/‘замораживать’ <i>mugdəllə</i>
S	I/I	[5] ‘умирать’/‘убивать’ <i>mətlə/+kʰəllə</i>	

¹⁰ По данным, приведенным в [Haspelmath 1993], эта пара образуется глаголами с разными корнями в 16 из 21 языков выборки.

В таблице не отражен случай, когда у глагола есть корреляты в обеих породах: [9] таять / 'растопливать' *pšərrə / pušərrə & turšərrə* (так же переводится пара [12] 'растворяться' / 'растворять'), поскольку разница между двумя каузативными вариантами пока не до конца понята (см. примеры (2) – (4) выше).

5. Анализ данных: факторы, влияющие на распределение

Ниже описывается влияние на выбор средства выражения каузативных оппозиций таких факторов, как семантика некаузативного глагола и тип каузации.

5.1. *Степень самопроизвольности ситуации.* Анализировалось влияние на тип формальной оппозиции такой характеристики ситуации, как вероятность спонтанного возникновения¹¹. В [Haspelmath 1993] предполагается, что все глагольные значения можно расположить на шкале самопроизвольности: на одном ее полюсе окажутся ситуации, которые обычно возникают без внешнего воздействия, а на другом – как правило, вызываемые действиями каузатора.

Согласно исследованиям М. Хаспельмата, расположение глаголов на шкале коррелирует с распределением по типам формального кодирования каузативной оппозиции. Глаголы, обозначающие ситуации с высокой вероятностью спонтанного возникновения, такие как 'таять', 'сохнуть', 'замораживаться', чаще оказываются в языках мира непроизводными, а их каузативные корреляты маркируются специальным показателем. Для обозначения же ситуаций типа 'ломаться' или 'открываться', которые обычно возникают под внешним воздействием, чаще будут использоваться глаголы, производные от каузативных ('ломать', 'открывать'). В [Haspelmath 1993, pp. 106–108] эти корреляции объясняются принципом иконичности в языке: когнитивно выделенные элементы маркируются и формально. В [Haspelmath et al. 2014; Haspelmath 2016] предлагается объяснение через частотность: показано, что в парах, где частотность некаузативного глагола больше, с большей вероятностью используется каузативная морфема, и наоборот.

¹¹ «Степень визуальной очевидности определенного каузативного действия» [Недялков 1969], "likelihood of spontaneous occurrence / probability of external causation" [Haspelmath 1993].

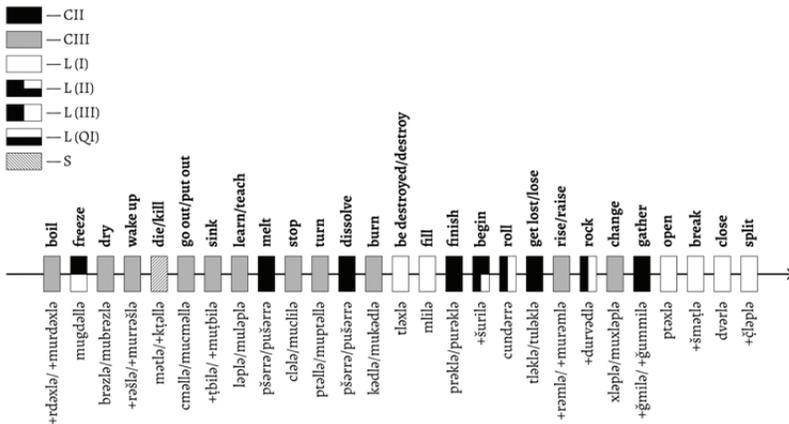

Рис. 1. Шкала самопроизвольности М. Хаспельмата с урмийскими соответствиями

Одной из целей моего исследования была проверка релевантности шкалы самопроизвольности М. Хаспельмата для христианского урмийского; визуализация результатов представлена на рис. 1. Слева расположены прототипически самопроизвольные (по М. Хаспельмату) ситуации, справа – обычно возникающие под внешним воздействием. Цветом и штриховкой обозначен способ кодирования каузативной оппозиции в урмийском (расшифровку сокращений см. в табл. 4). В виде таблицы эти данные приводятся в Прил. 2.

Распределение урмийских глаголов по типам кодирования каузативной оппозиции в целом соответствует типологическим тенденциям, выявленным М. Хаспельматом. Почти все ситуации из левой части шкалы (пары [1]–[13], прототипически самопроизвольные ситуации) выражаются в урмийском парами, где каузативный глагол маркирован показателем II или III породы, а некаузативный не маркирован: например, [1] кипеть/‘кипятить’ + rdaxlə/ + murdaxlə. Исключения составляют только пара [2] ‘замораживаться’/‘замораживать’ – используется лабильный глагол III породы mugdalla¹², и пара сушплетивных глаголов [5] ‘умирать’/‘убивать’ mətlə/+kʰətlə, уже обсуждавшихся выше.

Однако остальная часть шкалы менее однородна: в середине встречаются разные типы кодирования каузативной оппозиции.

¹² Довольно редкий случай: всего в словаре нашлось 15 лабильных глаголов III породы.

Стимульные предложения нашей анкеты (см. Прил. 1), основанной на выборке глаголов М. Хаспельмата, предполагали только контактную каузацию. Единственный случай, когда в ответах носителей наблюдалось расхождение, – это уже упомянутый случай с глаголом ‘растапливать’ (см. примеры (2)–(4) выше), который может передаваться либо глаголом *pušərrə* II, либо *tupšərrə* III. Во время элицитации было замечено, что при первой реакции переводы стимульного глагола различаются в зависимости от того, кто совершает действие – солнце или девушка, соответственно. Можно предположить, что во втором случае речь идет о более дистантной, опосредованной каузации, для которой характерна меньшая степень вовлеченности каузатора (девушка не может напрямую воздействовать на масло). Таким образом, полученные в ходе элицитации примеры позволяют выдвинуть гипотезу, что при наличии у глагола нескольких каузативных коррелятов следует описывать каузатив II породы как контактный, а III породы – как дистантный, однако для доказательства гипотезы требуется проверить большее число подобных глаголов.

5.3. *Другие семантические характеристики глагола.* Перечисленные выше семантические характеристики каузативных и некаузативных глаголов все же не позволяют сформулировать строго правила, предсказывающего модель образования каузатива от того или иного глагола. Представляется, что важно также учитывать *онтологический тип* глагола, его *акциональные характеристики* и информацию об *аргументной структуре* предиката, как это делается, например, в работах [Levin, Rapoport Novav 1995; Лютикова и др. 2006]. Разработка такого типа классификации глаголов, релевантной для христианского урмийского, позволила бы объяснить распределение глаголов по породам в целом, а не только описать особенности образования каузативов, но это пока не проведенная работа¹³. На данном этапе исследования можно предварительно выделить те свойства лексем, которые нужно учитывать для построения адекватной классификации подобного рода.

В нашей небольшой выборке каузативных пар нетривиальным образом по сравнению с остальными глаголами ведут себя фазовые глаголы: [17] ‘начинать(-ся)’ + *šurilə* (L, II порода) и [16] ‘заканчивать(-ся)’ *prəklə/purəklə* (C, II порода). Типологически это ожи-

¹³ Некоторые попытки сделаны в грамматике [Khan 2016a, pp. 397–457], однако там не приведены ни исчерпывающий список типов лексем, ни характеристика всех глаголов.

даемо: например, в работе [Летучий 2005] подробно описывается склонность фазовых глаголов к лабильности и отмечается, что “ин-хоативные глаголы в аккузативных языках проявляют большую склонность к лабильности, чем терминативные” [Летучий 2005, с. 68]. А.Б. Летучий объясняет этот факт *отклонением от прототипа переходности* (по целому ряду свойств размывается четкое противопоставление между Агенсом и Пациенсом), т. е. решающая роль приписывается характеристике и соотношению семантических ролей участников ситуации.

Кроме того, в грамматике [Khan 2016a, p. 408] отмечается, что в урмийском II породой часто маркируются глаголы, требующие после себя сентенциального актанта («глаголы контроля» в терминологии Дж. Кхана): например, *mudəvlə* II ‘справляться (с чем-либо)’, *pukədlə* II ‘приказывать’, + *buṣərrə* II ‘мочь, быть способным’, + *gūrəblə* II ‘пытаться’, + *šurilə* II ‘начинать’. Рассмотрев другие глаголы из словаря, я заметила, что вышперечисленные глаголы можно объединить в один семантический класс со следующими глаголами: +*buxərrə* II ‘проверять’, +*dubərrə* II ‘управлять’, +*puxəllə* II ‘прощать’, +*tuləmlə* II ‘наказывать’, *hucəmlə* II ‘править, управлять’. Несмотря на то, что последние могут использоваться и без сентенциального актанта, с предикатами из первой группы их объединяет то, что все они обозначают некое агентивное действие, вторичное по отношению к другой ситуации. Можно предположить, что в класс глаголов II породы часто попадают не просто «глаголы контроля», которые выделяются на синтаксических основаниях, а более широкая группа предикатов, лексическое значение которых подразумевает, что имеет место другая ситуация, на которую направлено действие. Тем не менее этот семантический признак не является ни необходимым, ни достаточным для глаголов II породы, ср. пара [21] *tləklə/tuləklə* II ‘теряться’/‘терять’.

6. Лабильность в урмийской глагольной системе

6.1. *P-лабильность в урмийском.* Рассмотрим отдельно глаголы, которые встречаются и в переходном, и в непереходном употреблении без изменения морфологической формы. В данной работе нас интересуют только *P-лабильные* глаголы (по классификации [Dixon 1994]), т. е. такие, субъект непереходного употребления которых совпадает по семантическим характеристикам с объектом переходного [Летучий 2013, с. 30].

Семантически в большинстве случаев переходное употребление лабильного глагола является каузативом от непереходного. По классификации [Creissels 2014] урмийскую лабильность можно охарактеризовать как *argument structure modifying strong lability* – меняется не только синтаксическая переходность глагола, но и количество семантических валентностей, а S- и P-участники кодируются по-разному. На шкале самопроизвольности, обсуждавшейся в разделе 5.1, лабильные глаголы сконцентрированы на «непроизвольном» полюсе, где располагаются ситуации, которые чаще каузируются извне, нежели возникают спонтанно. На этом основании можно предположить, что лабильность в урмийском занимает ту нишу, которая типологически ассоциируется с понижающей актантажной деривацией. Обратимся к сравнению с классическим сирийским, чтобы проверить эту гипотезу.

6.2. Диахрония: сравнение с классическим сирийским. Сравнение с классическим сирийским (восточный среднеарамейский) интересно потому, что в этом языке сохранялся древний семитский префикс *ʔet-*, отвечающий за выражение декаузатива и пассива. От языка, который был прямым предком христианского урмийского и других северо-восточных новоарамейских языков, письменно зафиксированных текстов не сохранилось [Khan 2016a, p. 23]. Таким образом, ближайший общий предок урмийского и сирийского – правосточноарамейский язык. В рамках настоящего исследования сравниваются прежде всего типологические профили двух родственных языков с целью описания диахронической стабильности такого языкового параметра, как базовая валентностная ориентация в терминах [Nichols et al. 2004]. Похожее сопоставление проводится в [Comrie 2006, pp. 311–317] для классического арабского и мальтийского языков¹⁵.

Основным механизмом изменения аргументной структуры глагола в сирийском, как и в других арамейских языках, являются специальные словообразовательные модели – в классическом сирийском выделяют шесть «пород». Помимо морфологически и семантически немаркированной формы (**G**-порода от нем. Grundstamm), существуют две породы, значения которых в основном связаны

¹⁵ Оба этих языка относятся к «детранзитивизирующим», и для большинства значений из списка М. Хаспельмата (23 из 31 пары) используют одинаковые схемы кодирования каузативной оппозиции (даже в тех случаях, когда используются этимологически не связанные глаголы) [Comrie 2006, p. 314]. На этих основаниях Б. Комри предполагает, что валентностная ориентация языка обладает высокой степенью диахронической стабильности.

с повышением переходности глагола – **D**-порода (Doppelungstamm ‘порода с геминацией’) и **K**-порода (Kausativstamm ‘каузативная порода’). От каждой из трех перечисленных образуется производная порода с префиксом *ʔet-*: **Gt**, **Dt** и **Kt**. Характерные значения *t*-пород: пассив, декаузатив, рефлексив, реципрок, инцентив (вхож- дение в состояние) [Лёзов 2009, с. 591–593].

Используя словари, корпус текстов и аппарат поиска электронного ресурса *The Comprehensive Aramaic Lexicon* (Kaufman et al.), я нашла соответствия для глаголов из анкеты [Haspelmath 1993] в классическом сирийском – сопоставление урмийских и сирийских данных представлено в табл. 7 (Прил. 2). В сирийском языке преобладают направленные формальные оппозиции: в 13 парах маркируется каузативный глагол, в 10 парах – некаузативный. В урмийском, как уже обсуждалось выше, распространены каузативное кодирование (16 пар) и лабильные глаголы (10 пар).

Таблица 6

Соотношение типов кодирования каузативных оппозиций
в урмийском и сирийском языках

Тип кодирования в сирийском	Урмийский				Всего
	совпадают тип и корень	совпадает только тип	совпадает только корень	другой тип и корень	
КАУЗАТИВ	7	4	–	1	12
ДЕКАУЗАТИВ	–	–	4	6	10
ЛАБИЛЬНОСТЬ	3	–	1	–	4
СУППЛЕТИВИЗМ	1	–	–	–	1

Тип кодирования оппозиции в сирийском и урмийском совпадает в 15 парах (из них в 11 совпадает и корень), а в 12 парах тип изменился (в 5 из них при этом не изменился корень); еще для 4 пар в урмийском нет соответствий. В табл. 6 показано, как урмийские глагольные пары распределяются в соответствии с типом кодирования каузативной оппозиции в сирийском. Отметим, что в рамках этого исследования не стояло задачи установить историю каждого изучаемого корня, потому что в словаре христианского урмийского [Khan 2016b] обычно не указана этимология слова, и для большинства корней затруднительно установить когнаты (далее, если удастся проследить историю корня, я привожу эту информацию в сносках).

Рассмотрим историю развития каждого из типов. *Каузативное маркирование* распространено в обоих языках и характеризуется диахронической стабильностью (встречается в 13 сирийских глагольных парах и в 16 урмийских, совпадает в обоих языках у 11 пар). В 4 парах в двух языках используются этимологически не связанные корни, но тип маркирования остается каузативным: [3] ‘сохнуть’/‘сушить’ сир. *yibeš/ṗawbeš* – урм. *brəzlə/mubrəzlə*¹⁶, [6] ‘гаснуть’/‘гасить’ сир. *dʕeḳ/daʕeḳ*¹⁷ – урм. *+čmilə/+mučmilə*¹⁸, [16] ‘заканчиваться’/‘заканчивать’ сир. *šlem/šallem*¹⁹ – урм. *prəklə/purəklə*²⁰, [21] ‘теряться’/‘терять’ сир. *ʔeḩad/ʔabed* – урм. *tləklə/tuləklə*²¹. В одной паре поменялся не только корень, но и тип кодирования: ср. [24] ‘качаться’/‘качать’ сир. *zāḩ/ʔaziḩ* (каузативное маркирование) – урм. *+durvədlə* (лабильный глагол).

Декаузативное маркирование было распространено в сирийском почти так же широко, как каузативное (встречается в 10 изученных парах). Вместо него в урмийском (в рассмотренной нами выборке глаголов) используется либо каузативный показатель (4 пары), либо лабильный глагол (6 пар). Среди тех случаев, когда кодирование поменялось на *каузативное*, в двух парах корень остался тем же: [22] ‘подниматься’/‘поднимать’ сир. *ʔet(t)rim/ʔarim* – урм. *+rəmlə/+murəmlə*, [26] ‘меняться’/‘менять’ сир. *ʔethallaf/hallef* – урм. *xləplə/muxləplə*, а в двух изменился: [4] ‘просыпаться’/‘будить’ сир. *ʔet(t)ḩir/ʔaḩir* – урм. *+rəšlə/+murrəšlə*²², [27] ‘собираться’/‘собирать’ сир. *ʔetkneš/knaš* – урм. *+ḡmilə/+ḡummilə*²³. В тех парах, где вместо декаузативного маркирования использу-

¹⁶ Об этом корне в другом северо-восточном новоарамейском (*Betanure Jewish Neo-Aramaic*) в [Mutzafi 2008, p. 340]: “prob. < Arb. ‘appear, emerge’ (> Alqosh *briza* ‘protruding’ (or, hardly, rel. to JBA ‘to bore hole’)”.

¹⁷ Каузативный коррелят в D-породе. Согласно словарю (Payne Smith 1957, p. 96), встречается также каузатив *ʔadʕeḳ* (K-порода). Урмийский когнат не найден.

¹⁸ Ср. сирийский когнат с иным основным значением *ḩammi* (D) ‘ослеплять’ / *ʔaḩmi* (K) ‘гасить’ (Payne Smith 1957, p. 416).

¹⁹ Урмийский когнат *šəmlə* I означает ‘соглашаться’ [Khan 2016b, p. 289].

²⁰ Ср. сирийский *praq* ‘отделяться, покидать’ / *ʔafreq* ‘разделять, уносить’ (Payne Smith 1957, p. 464).

²¹ Ср. сирийский *ṯeq* ‘исчезнуть’ / *ṯalleq* ‘использовать, потратить’ (Payne Smith 1957, p. 176).

²² [Mutzafi 2008, p. 376] предполагает связь этого корня со среднеарамейским *r-g-š*, ср. сирийский *rgaš* ‘осознавать’ (Payne Smith 1957, p. 529).

²³ Заимствование из арабского [Khan 2016b, p. 173].

ется *лабильный глагол*, этимологически корни связаны в двух парах: [19] ‘катиться’/‘катить’ сир. *ʔetgandar/gander* – урм. *cundərrə*, [28] ‘открываться’/‘открывать’ сир. *ʔeiptaḥ/ptaḥ*²⁴ – урм. *ptəxlə*. Еще в четырех парах используется лабильный глагол с другим корнем: [14] ‘разрушаться’/‘разрушать’ сир. *ʔeḥabbal/ḥabbel* – урм. *tləxlə*²⁵, [29] ‘ломаться’/‘ломать’ сир. *ʔettbar/tḥar* – урм. *+šməṭlə*²⁶, [30] ‘закрываться’/‘закрывать’ сир. *ʔestkat/skar* – урм. *dvərlə*, [31] ‘раскалываться’/‘раскалывать (о полене)’ сир. *ʔeṣtallah/ṣallah* – урм. *+čləplə*.

Интересно, что все сирийские *лабильные глаголы* из нашей выборки имеют этимологические когнаты в урмийском. В трех парах совпадает как корень, так и способ оформления каузативной оппозиции: [2] ‘замораживаться’/‘замораживать’ сир. *ʔaḡled* – урм. *mugdəllə*, [15] ‘наполняться’/‘наполнять’ сир. *mlā* – урм. *mlilə*, [17] ‘начинаться’/‘начинать’ сир. *šari* – урм. *+šurilə*. Два рассмотренных глагола перестали быть лабильными: ср. [10] сир. *klāʔ* ‘останавливать(-ся)’ – урм. *clələ/muclilə* ‘останавливаться’/‘останавливать’ (каузативное маркирование) и [18] сир. *pras* ‘распространять(-ся)’ – урм. *pəšlə prisə/prəslə*²⁷ (у глагола I породы есть только переходное употребление, а в непереходных конструкциях используется аналитический пассив).

Значения [5] ‘умирать’/‘убивать’ выражаются *супплетивными глаголами* в обоих языках: сир. *miṭ/qtal* – урм. *mətlə/+ktəllə* (выше обсуждалось, что это типологически ожидаемо).

По результатам проведенного сравнения можно сделать некоторые предварительные выводы. Во-первых, подтвердилось, что каузативное маркирование является диахронически стабильным в арамейских языках – этот факт ранее уже отмечался в литературе [Göransson 2015; см. также (Шведова 2022)]. Во-вторых, лабильные глаголы в урмийском можно разбить на несколько условных классов (однако этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении).

²⁴ При этом уже в сирийском встречаются лабильные употребления формы *ptaḥ* (Payne Smith 1957, p. 470).

²⁵ Сирийский когнат *tləḥ* ‘разрывать(-ся) на части’, хотя засвидетельствованы также маркированные каузатив *tallah* и декаузатив *ʔettlaḥ* (Payne Smith 1957, p. 613).

²⁶ Ср. сирийский когнат с декаузативным маркированием, но другим значением *ʔeštmet/šmaṭ* ‘быть вытащенным’/‘вытаскивать’ (Payne Smith 1957, p. 583).

²⁷ Информация об этом урмийском глаголе не отражена в табл. 6 и 7, потому что наши консультанты из с. Урмия не используют этот глагол, но он засвидетельствован в словаре [Khan 2016b, p. 250].

С одной стороны, есть класс каузативных оппозиций, которые на протяжении многих веков развития арамейских языков²⁸ передаются лабильными глаголами – в нашей выборке это [2] ‘замораживать(-ся)’, [15] ‘наполнять(-ся)’ и [17] ‘начинать(-ся)’. С другой стороны, часть глаголов стали лабильными в урмийском после утраты декаузативного маркера (в нашем списке их два: [19] ‘катить(-ся)’ и [28] ‘открывать(-ся)’). Все остальные исследованные урмийские лабильные глаголы не являются этимологическими когнатами сирийских корней, но также соотносятся с сирийскими декаузативными оппозициями. Можно предположить, что утрата декаузативного маркирования в урмийском повлекла за собой такую перестройку системы, которая отразилась в распространении лабильности. В данном случае мы имеем дело не просто с результатом фонетической утраты показателя (так как большинство урмийских глаголов не являются этимологическими когнатами сирийских), а с заменой одного типа кодирования другим.

7. Заключение

В настоящем исследовании была предпринята попытка систематизировать данные о формальном устройстве каузативно-некаузативных пар в одном из северо-восточных новоарамейских языков, а именно в христианском урмийском. Для этого, во-первых, были проведены подсчеты по словарю и описано общее распределение глагольных лексем по различным словоизменительным классам («породам»). Во-вторых, были собраны и проанализированы данные грамматической анкеты из [Haspelmath 1993], состоящей из 31 каузативно-некаузативной пары. В-третьих, проведено сравнение с классическим сирийским языком.

Показано, что для христианского урмийского в целом релевантна шкала самопроизвольности, предложенная в [Haspelmath 1993]: в глагольных парах типа ‘кипеть’/‘кипятить’, ‘сохнуть’/‘сушить’ (прототипически самопроизвольные ситуации) чаще маркируется каузативный член пары. Для передачи значений типа ‘закрывать(-ся)’ и ‘раскалывать(-ся)’ (обычно возникающих под воздействием внешней силы) в урмийском используются лабильные глаголы. На основании последнего факта мы предполагаем, что лабильность в урмийском занимает нишу, типологически ассоциирующуюся с понижающей актантажной деривацией.

²⁸ Аналогичные примеры для других арамейских языков разных периодов см.: (Шведова 2022).

Диахроническое сравнение с классическим сирийским показало, что каузативное маркирование является стабильной чертой арамейских языков: его распространенность сохраняется на протяжении нескольких веков. Декаузативное маркирование в сирийском было сопоставимо по распространенности и продуктивности с каузативным, в урмийском новоарамейском такие глагольные пары (декаузатив/каузатив) заменяются лабильными глаголами. Кроме того, можно сделать предварительный вывод, что лабильность каузативного типа в арамейских языках характеризуется стабильностью – почти все исследованные сирийские лабильные глаголы остались лабильными и в урмийском (но требуется проверка на большем количестве глаголов).

Приложение 1

Анкета для элицитации

- [1] Вода закипела. / Девушка вскипятила воду.
- [2] Мясо заморозилось. / Женщина заморозила мясо.
- [3] Пшеница высохла. / Люди высушили пшеницу.
- [4] Его сын рано проснулся. / Отец рано разбудил сына.
- [5] Тот человек умер. / Разбойники убили того человека.
- [6] Костер потух. / Люди потушили костер.
- [7] Кольцо утонуло в реке. / Девушка утопила свое кольцо в реке.
- [8] Ребенок учится писать. / Брат учит сестру писать.
- [9] Масло растопилось. / Девушка растопила масло. / Солнце растопило масло.
- [10] Телега остановилась около дома. / Человек остановил телегу около дома.
- [11] Ключ повернулся в замке. / Мужчина повернул ключ в замке.
- [12] Лекарство растворилось в воде. / Врач растворил лекарство в воде.
- [13] Его дом сгорел. / Враги сожгли его дом.
- [14] Дом разрушился. / Разбойники разрушили дом.
- [15] Колодец наполнился водой. / Девушка наполнила ведро водой.
- [16] Урок закончился рано. / Учитель рано закончил урок.
- [17] Сражение началось. / Командир начал сражение.
- [18] Огонь быстро распространялся. / Ветер распространял огонь.
- [19] Мяч покатился по земле. / Ребенок катал мяч.
- [20] Деревня развивается. / Жители развивают деревню.
- [21] Его ключи потерялись. / Он потерял свои ключи.
- [22] Дым поднимался вверх. / Ветер поднимал листья с земли.
- [23] Почва улучшилась. / Люди улучшили почву.
- [24] Колыбель качалась. / Мать качала колыбель.
- [25] Войска соединились. / Командиры соединили войска.
- [26] Законы поменялись. / Власти поменяли законы.
- [27] Вся семья собралась в доме. / Отец собрал всю семью в доме.
- [28] Окно открылось. / Женщина открыла окно.
- [29] Палка сломалась. / Мальчик сломал палку.
- [30] Дверь закрылась. / Хозяин дома закрыл дверь.
- [31] Полено расколосось. / Мужчина расколол полено топором.

Приложение 2

Таблица 7

Глагольные пары в урмийском и сирийском
в соответствии с положением ситуации на шкале самопроизвольности
(серым выделены родственные корни)

№	Глагол	Урмийский (PST-3M.SG)	URM type	Сирийский (PST-3M.SG)	SYR type
1	boil (intr./tr.)	+rdəxlə/+murdəxlə	C-III	rtəh/?artəh	C
2	freeze (intr./tr.)	mugdallə	L (III)	ʔagled	L
3	dry (intr./tr.)	bəzələ/mubəzələ	C-III	yibəšʔawbəš	C
4	wake up (intr./tr.)	+rəšlə/+murrəšlə	C-III	ʔet(ʔ)ʕir/?aʕʕir	A
5	die/kill	mətlə/+kətlə	S	miʔ/qtal	S
6	go out/put out	+čmilə/+mučmilə	C-III	dʕek/daʕek	C
7	sink (intr./tr.)	+fbilə/+muʔbilə	C-III	tbaʕʕ/ʔabbaʕ	C
8	learn/teach	ləplə/muləplə	C-III	yilefʔallef	C
9	melt (intr./tr.)	pšərrə/pušərrə&muʔšərrə	C (II/III)	pšar/paššar	C
10	stop (intr./tr.)	clələ/muclilə	C-III	klaʔ	L
11	turn (intr./tr.)	pəllə/muʔəllə	C-III	pəl/pəttel	C
12	dissolve (intr./tr.)	pšərrə/pušərrə&muʔšərrə	C (II/III)	pšar/paššar	C
13	burn (intr./tr.)	kədlə/mukədlə	C-III	yiqəd/ʔawqəd	C
14	be destroyed/destroy	tləxlə	L (I)	ʔetħabbal/ħabbəl	A

Окончание табл. 7

№	Глагол	Урмийский (PST 3M.SG)	URM type	Сирийский (PST 3M.SG)	SYR type
15	fill (intr./tr.)	mlilə	L (I)	mlā	L
16	finish (intr./tr.)	praklə/puraklə	C-II	šlem/šallem	C
17	begin (intr./tr.)	+šurilə	L (II)	šari	L
18	spread (intr./tr.)	–	–	pras	L
19	roll (intr./tr.)	cundərrə	L (QI)	ʔetgandar/gander	A
20	develop (intr./tr.)	–	–	–	–
21	get lost/lose	tləklə/tuləklə	C-II	ʔebad/ʔabed	C
22	rise/raise	+rəmlə/+murəmlə	C-III	ʔet(t)rim/ʔarim	A
23	improve (intr./tr.)	–	–	šfar/ʔəšfar	C
24	rock (intr./tr.)	+durvədələ	L (QI)	zāš/ʔaziš	C
25	connect (intr./tr.)	–	–	–	–
26	change (intr./tr.)	xləplə/muxləplə	C-III	ʔethallaf/hallef	A
27	gather (intr./tr.)	+ğmilə/+ğummilə	C-II	ʔeḡkneš/knaš	A
28	open (intr./tr.)	ptəxlə	L (I)	ʔeḡptəh/ptəh	A
29	break (intr./tr.)	+šməṭlə	L (I)	ʔeṭṭbar/tbar	A
30	close (intr./tr.)	dvarlə	L (I)	ʔestkat/skar	A
31	split (intr./tr.)	+čləplə	L (I)	ʔeštallahi/šallah	A

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-012-00312 «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России».

Я глубоко признательна С.С. Саю и А.А. Русских за участие во вдохновляющих обсуждениях исследования и редактирование текста статьи, П.М. Аркадьеву, членам редколлегии и анонимному рецензенту за внимательное чтение статьи и бесценные комментарии, Е.В. Русиновой за помощь в оформлении данных, а также всем коллегам по ассирийской экспедиции и нашим консультантам из с. Урмия, благодаря бесконечной отзывчивости которых стало возможно это исследование.

Acknowledgements

This work was supported by RFBR, project no. 20-012-00312 “Documentation of Northeastern Neo-Aramaic spoken in Russia”.

I express my gratitude to Sergey Say and Alina Russkikh for inspiring discussions of the research and their help in writing the article. I also thank Peter Arkadiev, the editors of the Moscow Journal of Linguistics and the anonymous reviewer for their attentive reading and valuable critical comments. I am grateful to Ekaterina Rusinova for her help with visualizations, as well as to all the participants of the Assyrian expedition and to our consultants from the village Urmiya, who have made this research possible.

Источники

- Шведова 2022 – *Шведова Е.Е.* Каузативно-инхоативные пары в арамейских языках: типология и диахрония: магистерская диссертация. Санкт-Петербургский государственный ун-т, 2022. 77 с.
- Kaufman et al. – *Kaufman S. A. et al.* The comprehensive Aramaic lexicon. URL: <http://cal.huc.edu>
- Kulikov 2001 – *Kulikov L.* Causatives // Language typology and language universals. An international handbook. Vol. 2 / Ed. by M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2001. P. 886–898.
- Payne Smith 1957 – *Payne Smith J.* A compendious Syriac dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1957 (First edition 1903). 627 p.
- WATP – The World Atlas of Transitivity Pairs. URL: <http://verbpairmap.ninjal.ac.jp>

Литература

- Коган 2009 – Коган Л.Е. Семитские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / Ред. Белова А.Г., Коган Л.Е., Лёзов С.В., Романова О.И. М.: Academia, 2009. С. 15–113.
- Летучий 2005 – Летучий А.Б. Непрототипическая переходность и лабильность: фазовые лабильные глаголы // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 57–75.
- Летучий 2013 – Летучий А.Б. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013. 384 с.
- Лёзов 2009 – Лёзов С.В. Классический сирийский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / Ред. Белова А.Г., Коган Л.Е., Лёзов С.В., Романова О.И. М.: Academia, 2009. С. 562–626.
- Лютикова и др. 2006 – Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 464 с.
- Лявданский 2009 – Лявданский А.К. Новоарамейские языки // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / Ред. Белова А.Г., Коган Л.Е., Лёзов С.В., Романова О.И. М.: Academia, 2009. С. 660–693.
- Мельчук 1998 – Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 2: Морфологические значения / Пер. с фр. М.: Языки русской культуры; Вена: Прогресс, 1998. 544 с.
- Недялков 1969 – Недялков В.П. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // Языковые универсалии и лингвистическая типология / Ред. И.Ф. Вардуль. М.: Наука, 1969. С. 106–114.
- Недялков, Сильницкий 1969 – Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив / Ред. А.А. Холодович. Л.: Наука, 1969. С. 20–50.
- Alexiadou, Anagnostopoulou 2004 – Alexiadou A., Anagnostopoulou E. Voice morphology in the causative-inchoative alternation: evidence for a non-unified structural analysis of unaccusatives // The unaccusativity puzzle: explorations of the syntax-lexicon interface / Ed. by A. Alexiadou, E. Anagnostopoulou, M. Everaert. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 114–136.
- Arkadiev 2013 – Arkadiev P. From transitivity to aspect: the causative-inchoative alternation and its extensions in Lithuanian // Baltic Linguistics. 2013. Vol. 4. P. 39–77.
- Borer 1991 – Borer H. The causative-inchoative alternation: A case study in parallel morphology // The Linguistic Review. 1991. Vol. 8. No. 2–4. P. 119–158.
- Comrie 2006 – Comrie B. Transitivity pairs, markedness, and diachronic stability // Linguistics. 2006. Vol. 44. No. 2. P. 303–318.
- Creissels 2014 – Creissels D. P-lability and radical P-alignment // Linguistics. 2014. Vol. 52. No. 4. P. 911–944.
- Dixon 1994 – Dixon R. Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 271 p.
- Göransson 2015 – Göransson K. Causative-inchoative alternation in North-Eastern Neo-Aramaic // Neo-Aramaic and its linguistic context / Ed. by L. Napiorkowska, G. Khan. New Jersey: Gorgias Press, 2015. P. 207–231.

- Haspelmath 1993 – *Haspelmath M.* More on the typology of inchoative/causative verb alternations // *Causatives and Transitivity* / B. Comrie, M. Polinsky (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 87–120.
- Haspelmath et al. 2014 – *Haspelmath M., Calude A., Spagnol M., Narrog H., Bamyacı E.* Coding causal–noncausal verb alternations: A form–frequency correspondence explanation // *Journal of Linguistics*. 2014. Vol. 50. No. 3. P. 587–625.
- Haspelmath 2016 – *Haspelmath M.* Universals of causative and anticausative verb formation and the spontaneity scale // *Lingua Posnaniensis*. 2016. Vol. 58. No. 2. P. 33–63.
- Khan 2016a – *Khan G.* The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Grammar: phonology and morphology. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, 2016. 587 p.
- Khan 2016b – *Khan G.* The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Lexical studies and dictionary. Vol. 3. Leiden; Boston: Brill, 2016. 366 p.
- Levin 2015 – *Levin B.* Semantics and pragmatics of argument alternations // *Annual Review of Linguistics*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 63–83.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 – *Levin B., Rappaport Hovav M.* Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 1995. 336 p.
- Mutzafi 2008 – *Mutzafi H.* The Jewish Neo-Aramaic dialect of Betanure (province of Dihok). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2008. 412 p.
- Nichols et al. 2004 – *Nichols J., Peterson D. A., Barnes J.* Transitivity and detransitivizing languages // *Linguistic Typology*. 2004. Vol. 8. No. 2. P. 149–211.
- Piñón 2001 – *Piñón C.* A finer look at the causative-inchoative alternation // *Proceedings of semantics and linguistic theory*. 2001. Vol. 11. P. 346–364.
- Shibatani, Pardeshi 2002 – *Shibatani M., Pardeshi P.* The causative continuum // *The grammar of causation and interpersonal manipulation* / Ed. by M. Shibatani. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 85–126.
- Tubino-Blanco 2020 – *Tubino-Blanco M.* Causative/inchoative in morphology // *Oxford research encyclopedia of linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 20–36.

References

- Alexiadou, A. and Anagnostopoulou, E. (2004), “Voice morphology in the causative-inchoative alternation: evidence for a non-unified structural analysis of unaccusatives”, in Alexiadou, A., Anagnostopoulou, E. and Everaert, M. (ed.), *The unaccusativity puzzle: explorations of the syntax-lexicon interface*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 114–136.
- Arkadiev, P. (2013), “From transitivity to aspect: the causative-inchoative alternation and its extensions in Lithuanian”, *Baltic Linguistics*, vol. 4, pp. 39–77.
- Borer, H. (1991), “The causative-inchoative alternation: A case study in parallel morphology”, *The Linguistic Review*, vol. 8, no. 2–4, pp. 119–158.

- Comrie, B. (2006), "Transitivity pairs, markedness, and diachronic stability", *Linguistics*, vol. 44, no. 2, pp. 303–318.
- Creissels, D. (2014), "P-lability and radical P-alignment", *Linguistics*, vol. 52, no. 4, pp. 911–944.
- Dixon, R. (1994), *Ergativity*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Göransson, K. (2015), "Causative-inchoative alternation in North-Eastern Neo-Aramaic", in Napiorkowska, L. and Khan, G. (ed.), *Neo-Aramaic and its linguistic context*, Gorgias Press, New Jersey, USA, pp. 207–231.
- Haspelmath, M. (1993), "More on the typology of inchoative/causative verb alternations", in Comrie, B. and Polinsky, M. (ed.), *Causatives and transitivity*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands, pp. 87–120.
- Haspelmath, M. (2016), "Universals of causative and anticausative verb formation and the spontaneity scale", *Lingua Posnaniensis*, vol. 58, no. 2, pp. 33–63.
- Haspelmath, M., Calude, A., Spagnol, M., Narrog, H. and Bamyaci, E. (2014), "Coding causal-noncausal verb alternations: A form–frequency correspondence explanation", *Journal of Linguistics*, vol. 50, no. 3, pp. 587–625.
- Khan, G. (2016), *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Grammar: phonology and morphology*. Vol. 1. Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA.
- Khan, G. (2016), *The Neo-Aramaic dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Lexical studies and dictionary*. Vol. 3. Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA.
- Kogan, L.E. (2009), "The Semitic languages", in Belova, A., Kogan, L., Loesov, S. and Romanova, O. (ed.), *Semitskiye yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki* [Semitic languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages], Academia, Moscow, Russia, pp. 15–113.
- Letuchii, A.B. (2005), "Non-prototypical transitivity and lability: phasal labile verbs", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 57–75.
- Letuchii, A.B. (2013), *Tipologiya labil'nykh glagolov* [Typology of labile verbs], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Levin, B. (2015), "Semantics and pragmatics of argument alternations", *Annual Review of Linguistics*, vol. 1, no. 1, pp. 63–83.
- Levin, B. and Rappaport Hovav, M. (1995), *Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface*, MIT Press, Cambridge, Mass., USA, London, UK.
- Loesov, S.V. (2009), "Classical Syriac", in Belova, A., Kogan, L., Loesov, S. and Romanova, O. (ed.), *Semitskiye yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki* [Semitic languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages], Academia, Moscow, Russia, pp. 562–626.
- Lyavdansky, A.K. (2009), "The Neo-Aramaic languages", in Belova, A., Kogan, L., Loesov, S. and Romanova, O. (ed.), *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the world: Semitic languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages], Academia, Moscow, Russia, pp. 660–693.
- Lyutikova, E.A., Tatevosov, S.G., Ivanov, M.Yu., Pazelskaya, A.G. and Shluinsky, A.B. (2006), *Struktura sobytiya i semantika glagola v karachayevo-balkarskom yazyke*

- [Event structure and verbal semantics in Karachay-Balkar], IWL RAS, Moscow, Russia.
- Mel'chuk, I.A. (1998), *Kurs obshchei morfologii. T. 2: Morfologicheskiye znacheniya* [A course in general morphology. Vol. 2. Morphological meanings], Yazyki russkoi kul'tury, Progress, Moscow, Russia, Vienna, Austria.
- Mutzafi, H. (2008), *The Jewish Neo-Aramaic dialect of Betanure (province of Dihok)*, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, Germany.
- Nedyalkov, V.P. (1969), "Some probabilistic universals in verbal word-formation", in Vardul', I.F. (ed.), *Yazykovyye universalii i lingvisticheskaya tipologiya* [Language universals and linguistic typology], Nauka, Moscow, USSR, pp. 106–114.
- Nedjalkov, V.P. and Silnitsky, G.G. (1969), "The typology of morphological and lexical causatives", in Kholodovich, A.A. (ed.), *Tipologiya kauzativnykh konstruksii. Morfologicheskii kauzativ* [Typology of causative constructions. Morphological causative], Nauka, Leningrad, USSR.
- Nichols, J., Peterson, D.A. and Barnes, J. (2004), "Transitivizing and detransitivizing languages", *Linguistic Typology*, vol. 8, no. 2, pp. 149–211.
- Piñón, C. (2001), "A finer look at the causative-inchoative alternation", *Proceedings of semantics and linguistic theory*, vol. 11, pp. 346–364.
- Shibatani, M. and Pardeshi, P (2002), "The causative continuum", in Shibatani, M. (ed.), *The grammar of causation and interpersonal manipulation*, John Benjamins, Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA, pp. 85–126.
- Tubino-Blanco, M. (2020), "Causative/inchoative in morphology", in *Oxford research encyclopedia of linguistics*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 20–36.

Информация об авторе

Елена Е. Шведова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4;

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199053, Россия, Санкт-Петербург, Тучков переулок, д. 9; shvedovalena98@gmail.com

Information about the author

Elena E. Shvedova, HSE University, Moscow, Russia; 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, Russia, 105066;

Institute for Linguistic Studies, RAS, Saint-Petersburg, Russia; 9, Tuchkov Line, Saint-Petersburg, Russia, 199053; shvedovalena98@gmail.com